

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 213, 215, 218

Архетипическое в религиозном и христианское богословие: опыт примирения позиций*

Протоиерей Олег Корытко

Московская духовная академия,
Российская Федерация, 141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра

Для цитирования: *Корытко О. В.* Архетипическое в религиозном и христианское богословие: опыт примирения позиций // Вопросы теологии. 2024. Т. 6, № 2. С. 199–212. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.202>

Термин «архетип» прочно вошел в современную гуманитарную науку. Это произошло в значительной степени благодаря трудам основателя аналитической психологии К. Г. Юнга. Сам Юнг соотносил идею архетипов с коллективным бессознательным, концепция которого оформилась у него под влиянием работ Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля. Поскольку термин «архетип» связывался в сознании автора и его ближайших последователей с духовным и культурным наследием, накопленным человечеством, следствием этого стали попытки анализа произведений художественного творчества ради выявления в них архетипических моделей и сюжетов и ради объяснения логики создания и социального функционирования произведений искусства, в первую очередь словесного (М. Бодкин, Е. М. Мелетинский, А. Ю. Большакова). Другое направление исследований — применение теории архетипов к проблематике мифологии и религиоведения (Э. Нойманн, К. Кереньи, Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде). Обнаруженные исследователями различных направлений факты требуют серьезного осмысления с позиций православного богословия, что возможно только на основании многовековой церковной традиции. Христианское духовное наследие включает в себя, в частности, тексты Святых Отцов (Corpus Aegreagiticum, свт. Иринея Лионского, прп. Иоанна Дамаскина, блж. Августина), использующих как сам термин «архетип», так и близкие к нему

* Первая публикация из серии «Природа архетипов и их функционирование в религиозной среде».

- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2024
- © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2024

по значению термины «первообразы», «предначертания», «предопределения». Все они соотносятся с учением об изначальном замысле Бога о мире.

Ключевые слова: архетип, коллективное бессознательное, социальный факт, факты коллективного сознания, паттерны, первообразы, предначертания, Божественные идеи.

Введение

Тема архетипов получила необыкновенно широкое распространение в современном мире. Термин «архетип» используют в самых различных областях знаний, однако вместе с тем в сознании многих людей он имеет довольно устойчивую, прочную ассоциацию со сферой психологии. Обязанным своим появлением К. Г. Юнгу, который и ввел его в научный оборот в 1919 г., термин быстро переступил границы психологии и стал активно употребляться в трудах по литературоведению, фольклористике, этнографии, антропологии, мифологии и в религиозноведческих исследованиях.

Тем не менее факт существования в человеческой душе или, говоря языком психологии, в психике универсальных, общих для всех людей, базовых схем восприятия действительности и способов реакции на нее и интерпретации оной необходимо признать очевидным и требующим осмысления, в том числе богословского.

Для православного богословия принципиально важно ответить на вопрос об оценке термина «архетип» с позиций православного мирозерцания; осмыслить накопленные научным сообществом данные, традиционно интерпретируемые в качестве проявлений архетипов; объяснить суть рассматриваемого явления и непротиворечиво согласовать указанное объяснение с христианским учением. Для решения этой задачи необходимо обратиться к текстам библейского Откровения и святоотеческому наследию, сталкивавшемуся с подобными вопросами в рамках формулирования космологической и антропологической позиций.

1. «Психологическая» предыстория и юнгианские корни термина

Для того чтобы разобраться в тех смыслах, которые стоят за термином «архетип», необходимо прежде всего раскрыть обстоятельства его введения в научный оборот в широком социокультурном контексте, рассмотрев основные варианты его понимания и использования.

Сферой, в которой термин «архетип» получил свое бытие в том виде, в каком он сегодня известен, была психология, точнее *аналитическая психология* К. Г. Юнга. Термин был тесно связан с весьма важным в рамках данной научной парадигмы понятием «бессознательное». Эта фрейдистская по происхождению и выражаемым идеям концепция описывает существование неосознаваемой человеком области его психики, куда вытесняются последствия переживаний, так или иначе травмирующих сознание человека. Соглашаясь с идеей наличия в составе человеческой

психики областей, закрытых для непосредственного рационального восприятия индивидом, Юнг пришел к выводу о необходимости постулировать существование так называемого коллективного бессознательного. Он был убежден, что «индивидуальное бессознательное, которым занимается Фрейд, это лишь часть более обширного коллективного бессознательного, отражающего общее психическое наследие всего народа и человечества. Оно выражается в сказках, мифах, верованиях, массовых поветриях и безотчетных тревогах»¹. Оно служит вместилищем всех базовых идей, свойственных каждому homo sapiens, причем независимо от места, времени и среды его проживания. Важно иметь в виду неразрывную и принципиальную связь этих двух концептов. Таким образом, по Юнгу, *коллективное бессознательное* — это пространство обитания архетипов. Архетип является содержанием той области души, которую ученый именовал коллективным бессознательным.

Чтобы понять истоки появления таких идей у Юнга, сделаем шаг назад. Представления о коллективном бессознательном и архетипах сформировались у отца-основателя аналитической психологии в значительной степени под влиянием трудов двух выдающихся ученых начала XX в. — Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля, которые уделяли большое внимание исследованию религиозных феноменов, пытаясь, в частности, осмыслить принципы функционирования религии и истоки религиозного сознания.

Для Дюркгейма, тесно связанного с французской социологической школой, ключевой категорией было понятие «социальный факт». Правда, исчерпывающе определить природу данного феномена оказалось весьма непросто. Ощущая эту проблему, он дал определения в виде совокупности логических элементов, сопряженных союзом «или»:

Социальный факт — это любой способ действия, фиксированный или нет, способный оказывать на индивида внешнее влияние;

или:

способ действия, являющийся общим для всего данного общества, в то же время обладая собственным существованием, независимым от его индивидуальных проявлений².

Одним из видов социальных фактов являются *факты коллективного сознания*, которое Дюркгейм понимает следующим образом:

Коллективное сознание — это наивысшая форма психической жизни, поскольку это сознание сознаний. Находясь вне и выше индивидуальных и локальных контингентностей, оно видит вещи только в их неизменных и сущностных аспектах, которые оно воплощает в сообщимых понятиях³.

¹ Цит. по: Клейн Л. С. История антропологических учений. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 388–389.

² Durkheim E. What is a social fact? // The rules of the sociological method / ed. by S. Lukes; transl. by W.D. Halls. New York: Free Press, 1982. P. 59.

³ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В. В. Земсковой. М.: Элементарные формы, 2018. С. 728.

В континууме коллективного сознания, по мнению ученого, существуют «коллективные представления», которые среди прочего служат ментальным основанием религии как социокультурного феномена. Дюркгейм оценивает их значение для бытия и функционирования общества чрезвычайно высоко: «Идеи суть реальности, силы, а коллективные представления — силы даже более мощные и действенные, чем индивидуальные представления»⁴. Приведенное определение коллективных представлений, безусловно, дает возможность интерпретации в метафизическом ключе, не сводя их понимание исключительно к материалистическому мировоззрению.

Описанная концепция получила творческое осмысление⁵ в трудах французского антрополога и этнолога Л. Леви-Брюля, который в своей ключевой работе «Первобытное мышление» указывает в качестве отличительных черт коллективных представлений, не зависящих от отдельного человека в своем бытии, их всеобщую разделяемость членами социальной группы, последовательную передачу из поколения в поколение и формирование эмоций уважения, страха и поклонения применительно к почитаемым объектам⁶.

На пересечении идейных линий о коллективных представлениях (Дюркгейма и Леви-Брюля) и существовании в составе человеческой психики сферы бессознательного (Фрейд) и возникла концепция коллективного бессознательного. В идейном плане она стала плодом наложения и взаимной интеграции двух указанных подходов. Однако в противоположность З. Фрейду, пытавшемуся выстроить строго рациональный фундамент для своих изысканий, К. Г. Юнг, как это видно из некоторых его трудов, был склонен к мистической интерпретации фактов, в том числе данных, полученных при изучении человеческой психики, искренне полагая свою научную деятельность видом духовной работы, совершаемой по велению свыше, как некое предписание судьбы⁷. Для того чтобы осознать глубину мистической настроенности Юнга, достаточно ознакомиться с его книгой «Воспоминания, сновидения, размышления», где идея перманентного контакта эмпирического мира с миром «потусторонним» представлена вполне недвусмысленно и явственно, поэтому сложно не согласиться с Л. В. Фесенковой, отмечавшей, что Юнг по самой психической структуре являлся несомненным мистиком⁸.

Обвинения Юнга в переходе с прочного фундамента научного знания на зыбкую почву мистического опыта начали звучать еще при его жизни, в частности со стороны его учителя З. Фрейда. Раздаются подобные упреки

⁴ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 388.

⁵ Подробнее см.: Верстин И. С. Проблема первобытного мышления в концепции Л. Леви-Брюля // Вестник Университета. 2013. № 11. С. 205–212.

⁶ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Академический проект, 2015. С. 48.

⁷ Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. С. 218.

⁸ Фесенкова Л. В. Теория эволюции и ее отражение в культуре. М.: Ин-т философии РАН, 2003. С. 106.

и до сих пор. В крайних проявлениях эта критика вообще отказывает идеям отца-основателя аналитической психологии в праве на существование в рамках научного мировоззрения. Так, Р.Нолл, один из наиболее ярких и резких современных критиков Юнга, безапелляционно пишет: «Все идеи Юнга о коллективном бессознательном, архетипах, индивидуации строятся на представлениях, в настоящее время признанных ошибочными»⁹.

Вместе с тем точно объяснить, каковы эти представления, не всегда возможно, поскольку и сам Юнг далеко не всегда давал четкие дефиниции, предпочитая им описательные и довольно размытые формулировки, порою прибегая к художественным образам. Очевидно, что исследователь был вынужден двигаться ощупью, так как разрабатывал проблематику, еще только начинавшую быть объектом научного исследования. Зачастую можно говорить скорее об устоявшемся понимании предложенных Юнгом идей. В частности, рассуждения о коллективном бессознательном он начинает апофатически, отмечая его некорректные уподобления:

Коллективное бессознательное отнюдь не является чем-то вроде темного закутка, а представляет собой господствующий надо всем осадок сложившегося за бесчисленные миллионы лет опыта предков, эхо доисторических явлений мира, которому каждое столетие добавляет несоизмеримо малую сумму вариаций и дифференциаций¹⁰.

Еще более сложная ситуация складывается с определением содержания коллективного бессознательного, которое Юнг именовал архетипами. По трудам исследователя рассеяны различные дефиниции термина «архетип». В одних автор считает иллюзией саму возможность его объяснения, поскольку формулирование определения архетипа будет фактически означать и его упразднение, а потому в лучшем случае мы можем иметь дело лишь с удачной передачей, переводом тех или иных образов на другой язык. «В лучшем случае миф продолжает сниться или ему придают современный облик»¹¹, — отмечает Юнг. В других работах исследователь подчеркивает, что архетип следует рассматривать как исключительно формальное понятие, как некий скелет, вокруг которого происходит наращение плоти, формирование образной системы идей. Итак, заключает один из современных исследователей юнгианского наследия Э. Самуэлс, «архетипическая форма или модель наследуется, но содержание изменчиво, подвержено влияниям окружающей среды и историческим переменам»¹².

⁹ Нолл Р. Арийский Христос. Тайная жизнь Карла Юнга. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1998. С. 418.

¹⁰ Юнг К. Г. Аналитическая психология и мировоззрение // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. СПб.: Питер, 2002. С. 258.

¹¹ Юнг К. Г. Божественный ребенок. М.: АСТ, 1997. С. 356.

¹² Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. М.: ЧеРо, 1997. С. 54.

2. Культурологическая и религиоведческая разработка темы архетипов

Приведенное выше суждение Юнга, в котором автор говорит о «снятых мифах», весьма примечательно, несмотря на довольно загадочный смысл фразы. Примечательно оно в первую очередь тем, что ученый, по обычаю прибегая к ярким образным высказываниям, связывает воедино архетип и миф. Миф как феномен человеческой культуры на протяжении веков аккумулирует в себе упоминавшийся ранее «осадок», иными словами, является собирателем и выразителем опыта предков.

Уже ближайшие последователи Юнга продолжили разработку идеи архетипа применительно к различным областям культурного наследия человечества. Так, М. Бодкин, одна из его учениц, попыталась вычленить ключевые архетипы в поэзии как эпохи Античности, так и более поздних периодов¹³.

В русскоязычной науке эту тему разрабатывал Е. М. Мелетинский¹⁴, тесно связанный с тартуско-московской семиотической школой. Сфера его научных интересов включала изучение наследия К. Леви-Стросса, предлагавшего структурологическую трактовку мифов¹⁵, и наследия В. Я. Проппа, обнаружившего универсальные паттерны сказочных нарративов¹⁶. Отдельного упоминания достойны труды А. Ю. Большаковой¹⁷, приложившей немало усилий для исследования пути становления термина «архетип» в контексте современного гуманитарного знания. Исследовательница пытается вывести саму идею архетипа из-под давления тех множественных культурных наслоений, под которыми он оказался за последний век. Она предлагает использовать термин «концепт» как тождественный термину «архетип».

Однако наибольший интерес представляют труды авторов, занимавшихся непосредственным изучением архетипических явлений в сфере религиозного, прежде всего это ближайшие ученики К. Г. Юнга: Э. Нойманн¹⁸ и К. Кереньи¹⁹. Нойманн называл архетип *мифологическим мотивом*, а ста-

¹³ Бодкин М. Архетипические паттерны в поэзии. М.: Касталия, 2019.

¹⁴ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд. М.: Восточная литература, 2000.

¹⁵ Леви-Стросс К. Мифологии: в 4 т. М.; СПб.: Университетская книга; Флюид, 1997–2007.

¹⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969.

¹⁷ Большакова А. Ю.: 1) Теория архетипа на рубеже XX–XXI вв. // Вопросы филологии. 2003. № 1. С. 37–47; 2) Архетип, миф и память литературы // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы междунар. заочн. науч. конф. Астрахань, 19–24 апреля 2010 г. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2010. С. 5–13.

¹⁸ Нойманн Э.: 1) Великая Мать. М.: Добросвет; КДУ, 2021; 2) Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1998.

¹⁹ Кереньи К.: 1) Элевсин: Архетипический образ матери и дочери. М.: Рефл-бук, 2000; 2) Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни. М.: Ладомир, 2007; 3) Исследования лабиринта. СПб.: Евразия, 2020; 4) Прометей: архетипический образ человеческого существования. М.: Касталия, 2021.

дии формирования человеческой личности рассматривал как «архетипические». Религия же, наряду с искусством и вообще творческими дерзаниями человека, виделась ему механизмом, благодаря которому общество «наделяет жизнь смыслом»²⁰. Кереньи был сосредоточен главным образом на исследовании древних религиозных культов и античных мифологических сюжетов. Для него архетип — это то, что находится вне времени и пространства и что едва ли возможно созерцать даже мысленно. Скорее, это абстрактная идея, вычленяемая в виде частных, идентичных по своей структуре проявлений, применительно к которым он использовал изобретенный им термин «эктипическое»²¹.

Еще один исследователь, испытавший в своих взглядах очевидное влияние Юнга, Дж. Кэмпбелл²² предпринял довольно смелые попытки обобщения архетипов, всю совокупность которых в области мифологии и религии, по его мнению, можно свести к одной объемной схеме — *мономифу*. Стремление вычленить структурно оформленные элементы универсальной повествовательной схемы роднит подход Кэмпбелла с позицией В. Я. Проппа. Вместе с тем мысль Проппа отличают гораздо большая глубина, высокая степень аккуратности и академической осторожности.

Весьма занимательным плодом применения концепции мономифа стало появление в медийном пространстве с 1970-х годов серии фильмов, объединенных названием «Звездные войны». По признанию автора и идеолога первых картин Дж. Лукаса, его труды были вдохновлены идеями Кэмпбелла. Он реализовал на практике сюжетное воплощение мономифа в рамках футуристическо-фантазийного видеожанра массовой культуры²³.

Невозможно обойти молчанием труды европейского и американского исследователя румынского происхождения М. Элиаде²⁴, который творчески осмыслил архетип, желая освободиться от его устойчивых психологических коннотаций и заменив его близким по значению термином «паттерн». Частным случаем паттерна, по мнению ученого, следует считать *иерофанию* — проявление Священного (Сакрального) в дольном мире. Элиаде видит в Священном не столько психологический феномен, сколько онтологически иную по отношению к эмпирической данности реальность. Архетипы, или паттерны, в таком случае суть не что иное, как типовые варианты манифестации Священного.

²⁰ Нойманн. Происхождение и развитие сознания. С. 387.

²¹ Кереньи. Прометей. С. 15.

²² Кэмпбелл Дж.: 1) Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2023; 2) Маски Бога: в 3 т. М.: Касталия, 2019–2022; 3) Богини: тайны женской божественной сущности. СПб.: Питер, 2020; 4) Мифический образ. М.: АСТ, 2004; 5) Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству. СПб.: Питер, 2017; 6) Мифы для жизни. СПб.: Питер, 2020.

²³ Седых О. М. Джозеф Кэмпбелл и зигзаги неомифологизма: от феномена «Звездных войн» к алгоритмам сторителлинга // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2019. № 6. С. 77–92.

²⁴ Элиаде М.: 1) Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999; 2) Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000; 3) История веры и религиозных идей: в 3 т. М.: Академический проект, 2008.

3. Взгляд на архетипическое с позиций православного богословия

В широкий научный оборот термин «архетип» вошел благодаря Юнгу, однако вовсе не он является его изобретателем, на что ученый указывает и сам²⁵. Понятие об архетипе, правда, с несколько отличным значением, встречается еще у Филона Александрийского. Стремясь совместить достижения греческой мысли и культуры с библейским Откровением²⁶, этот эллинизированный еврейский интеллигент решительно соединяет идею архетипа с Богом, которого он называет «архетипом архетипов»²⁷.

В качестве предшественников по разработке теории архетипа Юнг указывает также свт. Дионисия Ареопагита (т. е. автора *Corpus Areopagiticum*), свт. Иринея Лионского и блж. Августина, епископа Иппонского.

Ареопагитический корпус, несмотря на не соответствующее подлинному авторству надписание, прочно вошел в состав церковного Предания. Здесь мы находим, по существу, разъяснение самой идеи первоначальных архетипических образов:

Первообразами же мы называем предсуществующие в Боге в единстве творящие сущность логосы сущих, каковые богословие называет предначертаниями и божественными и благими пожеланиями, разделяющими и творящими сущее, в соответствии с которыми Сверхсущественный все сущее и предопределил, и осуществил²⁸.

В труде «Против ересей» свт. Иринея Лионского термин «архетип» встречается единожды в кн. 2 трактата, дошедшей до нас, к сожалению, только в латинском переводе:

Si enim mundi fabricator non a semetipso fecit haec, sed quemadmodum nullius momenti artifex, et quasi primum discerns puer, de alienis archetypis transtulit²⁹.

Если мироздатель сотворил их не от самого себя, но, как незначительный художник и начинающий учиться мальчик, заимствовал из чужих пер-

²⁵ Юнг К. Г. Архетип и символ / сост. А. М. Руткевич. М.: Канон+, Реабилитация, 2021. С. 106.

²⁶ См. подробнее: Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 6: Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. С. 82–128; Саврей В. Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: КомКнига, 2006. С. 194–302.

²⁷ См. об этом: Большаякова А. Ю. Архетип: от Филона Александрийского до блаженного Августина // Архетипы и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы междунар. науч.-практ. конф. Пенза — Ереван — Прага, 5–6 марта 2010 г. Пенза: Социосфера, 2010. С. 8.

²⁸ Иларион (Алфеев), иером. «Корпус ареопагитикум». О Божественных именах // Восточные Отцы и учителя церкви V в.: антология / сост., биогр. и библиогр. ст. иером. Илариона (Алфеева). М.: Изд-во Моск. физ.-тех. ин-та, 2000. С. 300.

²⁹ Irenaeus Lugdunensis. Contra haereses // Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG) / ed. by J.-P. Migne. 1857. Vol. 7. Coll. 730–731.

вообразов, — откуда же их Глубина получила образец для своего первого произведения?³⁰

Именно на это место ссылается Юнг, делая обзор прежних употреблений понятия³¹. Однако примечательно, что в указанном месте Лионский епископ использует данное слово не для описания своей позиции, а для критики еретического учения гностиков.

Вместе с тем тема первообразов близка свт. Иринею. В частности, он склонен к буквальному толкованию Исх 25, 40 о создании скинии: «Ибо Моисей отсюда взял образец... потому что он устроил это богослужение по небесному образцу»³². Тем не менее для Иринея принципиально важно соотнести первообразы с Богом, поэтому он доказывает, что «мысль о творении существовала в Боге, сотворившем мир, — так что Своею силою и из Себя Самого взял образец для миротворения»³³.

Обсуждаемая в связи со сщмч. Иринеем и *Corpus Ageragiticum* тема образов, как уже можно было убедиться, имеет принципиальное значение для святоотеческой традиции. В контексте полемики с иконоборцами ее, среди прочего, разрабатывал и преподобный Иоанн Дамаскин:

[Бог] созерцал *вся прежде бытия их* (Дан 13, 42) от века замыслив, и каждое в отдельности происходит в predeterminedенное время согласно с Его вечною, соединенною с волею, мыслью, которая есть predeterminedение, и образ, и план³⁴.

Древняя, а равно и позднейшая церковная традиция не концентрируется исключительно на термине «архетип», свободно используя в качестве синонимов термины «первообразы» (πρωτότυπα), «предначертания» (παραδείγματα) и «предопределения» (προορισμοί)³⁵. Показательно, что Юнг, видевший в Августине своего предшественника в разработке теории архетипа, при этом прямо свидетельствует: «Хотя у Августина слово “архетип” и не встречается, но его заменяет “идея”»³⁶.

Блаженный Августин — представитель западной части неразделенной Церкви и, что очень важно в связи с темой образов, основоположник европейской семиотики. Один из крупнейших исследователей по истории семиотики, Ц. Тодоров прямо указывает, что труд Иппонского епископа

³⁰ *Иринея Лионский, св.* Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 130.

³¹ Юнг К. Г. Архетип и символ. С. 106.

³² *Иринея Лионский, св.* Доказательство апостольской проповеди // Иринея Лионский, св. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди. С. 584.

³³ Там же. С. 154.

³⁴ *Иоанн Дамаскин, св.* Точное изложение православной веры // Иоанн Дамаскин. Источник знания / пер. с др.-греч. и коммент. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. М.: Индрик, 2002. С. 175.

³⁵ *Давыденков О., прот.* Догматическое богословие. М.: Изд-во Правосл. Св.-Тихон. гуманитар. ун-та, 2017. С. 217.

³⁶ Юнг К. Г. Архетип и символ. С. 106.

De doctrina christiana следует считать первым примером «настоящего труда по семиотике»³⁷. Августин настаивает на том, что образы или, говоря иначе, знаки суть единственно возможный для нас способ восприятия реальности: «Все предметы мы, вообще, познаем посредством знаков»³⁸. Более того любая трансляция информации также невозможна без посредства знаков, включая необходимые сведения сотериологически значимого характера, в связи с чем он упоминает «знаки, свыше данные, заключающиеся в Писании»³⁹.

Возвращаясь к вопросу об употреблении термина «архетип» в христианском контексте, укажем весьма любопытную статью из словаря иностранных слов, вышедшего в Императорской академии наук в 1803–1806 гг., где архетип понимается во вполне богословском ключе как «идея Божия, по которой Он создал мир»⁴⁰.

В русской богословской традиции XX в. мы встречаем еще одну замечательную попытку осмыслить к тому моменту прочно закрепившийся в научном и бытовом употреблении термин «архетип» в теологическом ключе. В 1960-х годах публикуется труд русского религиозного мыслителя греческого происхождения А. С. Позова (настоящая фамилия — Позидис) «Основы древнецерковной антропологии». Автор, очевидно, знакомый с работами Юнга, пытается предложить свое понимание вопроса. Он считает «архетипы... первыми мыслями Бога-Творца, первыми проектами твари, и с них начинаются бытийные ряды»⁴¹. Однако факт существования архетипов, не вписывающихся в христианское мировоззрение, заставляет его предположить существование неких «злых архетипов»:

В христианско-религиозной теории и практике злые архетипы обречены на полное бездействие и выбрасываются вон, пробуждаются только добрые архетипы, которые... начинают служить человеку. <...> Выброшенные злые архетипы безвредны, как духовные паразиты⁴².

Подобные богословские суждения нельзя назвать безупречными, поскольку автор вступает в противоречие с самим собой: совершенно очевидно, что невозможно одновременно считать архетипы божественными идеями и в то же время признавать при этом существование их злых видов, ибо Бог, в соответствии с православным учением, не является виновником зла.

³⁷ Тодоров Ц. Теории символа. М.: Дом интеллект. книги, 1999. С. 32.

³⁸ Августин, еп. Иппонский. Христианская наука, или Основания священной герменевтики и церковного красноречия. СПб.: ВлблЮполис, 2006. С. 44.

³⁹ Там же. С. 74.

⁴⁰ Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1: [От А до I]. СПб.: Имп. Акад. наук, 1803. Стб. 233.

⁴¹ Позов А. С. (Авраам Позидис). Основы древнецерковной антропологии: в 2 т. Т. 2: Апокатастасис. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 5.

⁴² Там же. С. 11.

Заключение

Широкое использование термина «архетип», как мы видим, требует глубокого осмысления в русле святоотеческой традиции. Несмотря на то что в современную гуманитарную науку он пришел из области западной психологии XX в. со всеми ее специфическими чертами, вызвавшими серьезную критику, отрицать наличие у людей определенных общих схем восприятия действительности, в том числе феноменов религиозного порядка, неправомечно.

Одной из задач современного православного богословия, в частности православной антропологии, должны стать осмысление данного явления и интерпретация его в контексте христианского мировоззрения. Игнорировать эту проблему значило бы отказаться от следования интеллектуальному вектору, заданному святоотеческой традицией, довольно свободно заимствовавшей и творчески перерабатывавшей идеи античных философов (например, Филона Александрийского), предлагавшей им новое, согласное с духом Божественного Откровения понимание.

Ориентиром на данном пути призвано стать святоотеческое наследие. Хотя термин «архетип» использовался не столь часто в трудах церковных писателей, идея первообразов, Божественных идей, заложенных в природе твари с момента ее создания, широко используется в текстах Священного Предания. В конечном счете именно к ней адресует концепция естественного богознания, предполагающая возможность восхождения от познания творения к познанию Творца и отраженная в библейском тексте, свидетельствующем, что «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим 1, 20).

Статья поступила в редакцию 29 апреля 2023 г.;
рекомендована к печати 22 февраля 2024 г.

Контактная информация:

Корытко Олег Витальевич — протоиерей, канд. богословия, доц.; priest@list.ru

Christian theology and the archetypal in religion: A reconciliation experience for the stances*

Archpriest Oleg Korytko

Moscow Theological Academy,
Trinity Lavra of St. Sergius, Sergiev Posad, 141300, Russian Federation

For citation: Korytko O. V. Christian theology and the archetypal in religion: A reconciliation experience for the stances. *Issues of Theology*, 2024, vol. 6, no. 2, pp. 199–212. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.202> (In Russian)

The term “archetype” became ingrained in modern humanities. This was greatly due to the works of the founder of analytical psychology, C. G. Jung. Jung himself linked

* First article in series “The nature of archetypes and their functioning in the religious environment”.

the idea of archetypes with the collective unconscious, the concept of which took shape in his mind under the influence of E. Durkheim and L. Levy-Bruhl's works. Since, in the mind of the author and his closest followers, the term "archetype" had a connection with the spiritual and cultural heritage accumulated by humankind, it resulted in attempts to analyze pieces of artistic creativity in order to identify archetypal models and plots in them and to explain the logic of the creating and social functioning for works of art, primarily the verbal one (M. Bodkin, E. M. Meletinsky, A. Y. Bolshakova). Another focus of research is the application of the theory of archetypes to the problems of mythology and religious studies (E. Neumann, K. Kerényi, J. Campbell, M. Eliade). The facts observed by researchers of different areas require serious reflection based on the stances of Orthodox theology. This can be done only based on a centuries-old church tradition. The Christian spiritual heritage includes, in particular, the texts of the Holy Fathers (Corpus Areopagiticum, St. Irenaeus of Lyon, Rev. St. John of Damascus, St. Augustine), who use both the term "archetype" alongside with the terms close to it in meaning ("prototypes", "predestinations", "predeterminations"). All of them correlate with the doctrine of God's original plan for the world.

Keywords: archetype, collective unconscious, social fact, facts of collective consciousness, patterns, prototypes, predestination, Divine ideas.

References

- Augustine of Hippo (2006) *Christian science, or The foundations of sacred hermeneutics and ecclesiastical eloquence (De doctrina christiana)*. St. Petersburg, Vivliopolis Publ. (In Russian)
- Bodkin M. (2019) *Archetypal patterns in poetry*. Rus. ed. Moscow, Kastaliia Publ. (in Russian)
- Bol'shakova A. (2003) "Archetype theory at the turn of the 20th–21st centuries", in *Voprosy filologii*, no. 1, pp. 37–47. (In Russian)
- Bol'shakova A. (2010) "Archetype, myth and memory of literature", in *Arkhetipy, mifologemy, simvoly v khudozhestvennoi kartine mira pisatel'ia: materialy mezhdunarodnoi zaochnoi nauchnoi konferentsii. Astrakhan', 19–24 apreliia 2010 g.*, pp. 5–13. Astrakhan, Astrakhanskii universitet Publ. (In Russian)
- Bol'shakova A. (2010) "Archetype: From Philo of Alexandria to St. Augustine", in *Arkhetipy i arhetipicheskoe v kul'ture i social'nykh otnosheniakh: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Penza — Yerevan — Praga, 5–6 marta 2010 g.*, pp. 5–21. Penza, Sotsiosfera Publ. (In Russian)
- Campbell J. (2004) *The mythic image*. Rus. ed. Moscow, AST Publ. (In Russian)
- Campbell J. (2017) *Pathways to bliss: Mythology and personal transformation*. Rus. ed. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Campbell J. (2019–2022) *Masks of God*. In 3 vols. Rus. ed. Moscow, Kastaliia Publ. (In Russian)
- Campbell J. (2020) *Goddesses: Mysteries of the feminine Divine*. Rus. ed. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Campbell J. (2020) *Myths to live by*. Rus. ed. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Campbell J. (2023) *The hero with a thousand faces*. Rus. ed. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Davydenkov O., archpriest (2017) *Dogmatic theology*. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ. (In Russian)
- Durkheim E. (1982) "What is a social fact?", in *The rules of the sociological method*. Ed. by S. Lukes; transl. by W. D. Halls, pp. 50–59. New York, Free Press.
- Durkheim E. (2018) *The elementary forms of religious life*. Transl. from French by V. V. Zemskova. Rus. ed. Moscow, Elementarnye formy Publ. (In Russian)
- Eliade M. (1999) *Patterns in comparative religion*. Rus. ed. Moscow, Ladomir Publ. (In Russian)

- Eliade M. (2000) *The myth of the eternal return. Images and symbols. The sacred and the profane.* Rus. ed. Moscow, Lodomir Publ. (In Russian)
- Eliade M. (2008) *A History of Religious Ideas.* In 3 vols. Rus. ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Fesenkova L. V. (2003) *The theory of evolution and its reflection in culture.* Moscow, Institut filosofii RAN Publ. (In Russian)
- Hilarion (Alfeev), hieromonk, ed. (2000) “‘Corpus Areopagiticum’. On Divine names”, in *The Eastern Fathers and Teachers of the Fifth Century Church.* Ed. by hieromonk Hilarion (Alfeev), pp. 261–320. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo fiziko-tekhnicheskogo instituta Publ. (In Russian)
- Ianovskii N. M. (1803–1806) *A new word interpreter arranged alphabetically.* St. Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk Publ. (In Russian)
- Irenaeus Lugdunensis (1857) “Contra haereses”, in *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* Ed. by J.-P. Migne, vol. 7. Col. 433–1224.
- Irenaeus, bishop of Lion (2008) *Against heresies. Proof of the apostolic preaching.* Transl. by archpriest P. Preobrazhenskii, N. I. Sagarda. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ. (In Russian)
- John of Damascus (2002) *Fountain of Knowledge.* Transl. by D. E. Afinogenov, A. A. Bronzov, A. I. Sagarda, N. I. Sagarda. Moscow, Indrik Publ. (In Russian)
- Jung C. (1997) *The Divine child.* Rus. ed. Moscow, AST Publ. (In Russian)
- Jung C. (2002) *Modern man in search of a soul.* Rus. ed. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Jung C. (2003) *Memories, dreams, reflections.* Rus. ed. Minsk, Harvest Publ. (In Russian)
- Jung C. (2021) *Archetype and symbol.* Rus. ed. Moscow, Kanon+ Publ.; Reabilitatsiia Publ. (In Russian)
- Kerényi K. (2000) *Eleusis: Archetypal image of mother and daughter.* Rus. ed. Moscow, Refl-buk Publ. (In Russian)
- Kerényi K. (2007) *Dionysos: Archetypal image of indestructible life.* Rus. ed. Moscow, Lodomir Publ. (In Russian)
- Kerényi K. (2020) *Labyrinth studies.* Rus. ed. St. Petersburg, Evraziia Publ. (In Russian)
- Kerényi K. (2021) *Prometheus: Archetypal image of human existence.* Rus. ed. Moscow, Kastaliia Publ. (In Russian)
- Klein L. S. (2014) *The history of anthropological thought.* St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Levi-Bruhl L. (2015) *Primitive thinking.* Rus. ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Lévi-Strauss C. (1997–2007) *Mythologiques.* In 4 vols. Rus. ed. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ.; Fluid Publ. (In Russian)
- Losev A. F. (1980) *The history of classical aesthetics.* In 8 vols, vol. 6: Late Hellenism. Moscow, Iskusstvo Publ. (In Russian)
- Meletinskii E. M. (2000) *The poetics of myth.* 3rd ed. Moscow, Vostochnaia literatura Publ. (In Russian)
- Neumann E. (1998) *Origins and history of consciousness.* Rus. ed. Moscow, Refl-buk Publ.; Vakler Publ. (In Russian)
- Neumann E. (2021) *The Great Mother.* Rus. ed. Moscow, Dobrosvet Publ.; KDU Publ. (In Russian)
- Noll R. (1998) *The Aryan Christ: The secret life of Carl Jung.* Rus. ed. Moscow, Refl-buk Publ.; Vakler Publ. (In Russian)
- Pozov A. (Avraam Pozidis) (2008) *Fundamentals of Ancient Church anthropology.* In 2 vols. Rus. ed. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Propp V. (1969) *Morphology of the tale.* Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Samuels A. (1997) *Jung and the Post-Jungians.* Rus. ed. Moscow, CheRo Publ. (In Russian)
- Savrej V. (2006) *The Alexandrian School in the history of philosophical and theological thought.* Moscow, KomKniga Publ. (In Russian)

- Sedykh O.M. (2019) “Joseph Campbell and the zigzags of neo-mythologism: From the ‘Star Wars’ phenomenon to storytelling algorithms”, in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Philosophy*, no. 6, pp.77–92. (In Russian)
- Todorov Tz. (1999) *Theories of the symbol*. Rus. ed. Moscow, Dom intellektual’noi knigi Publ. (In Russian)
- Verstin I.S. (2013) “The concept of primitive thinking by L. Levi-Bruhl”, in *Vestnik Universiteta*, no. 11, pp. 205–212. (In Russian)

Received: April 29, 2023

Accepted: February 22, 2024

Author’s information:

Oleg V. Korytko — Archpriest, PhD in Theology, Associate Professor; priest@list.ru